

## Про то и про се...

Действительность в моем рассказе была «литературнее» допустимого в литературном произведении. В церкви Рождества на кладбище с великолепными и малоизученными фресками обнаружили при реставрации вверху алтарной апсиды огромный снаряд. Концы снаряда были видны и снаружи и внутри. Вызвали саперов. Они сказали: «Единственный способ — взорвать на месте. Иначе обеспечить безопасность нельзя». Реставраторы чрезвычайно взволновались: «Но погибнут фрески!» Как всегда в чрезвычайных случаях, тут же оказались два мальчика. Услышали, что взрывать будут утром. И вот когда утром приехали саперы — снаряда не обнаружили. Мальчики за ночь вытолкнули снаряд наружу. Он упал на мягкую кладбищенскую землю и, к счастью, не взорвался.

Смотря передачу «В мире животных», я твердо усвоил: хищники нужны для экологического равновесия. Ну а если рассматривать человеческое общество как некое экологическое целое? Зачем нужны в нем прихвостни, доносчики, склочники? Достаточно, чтобы в здоровом коллективе появилось два-три таких хищника — и всякое экологическое равновесие оказывается полностью разрушенным — сообщество просто перестает существовать. Человеческое общество в экологическом отношении отнюдь не похоже на животный мир.

Правда, в животном мире тоже бывают экологические нарушения: города переполняют вороны, а где есть вода — чайки. Они лишили города певчих птиц. Их нужно отстреливать.

А что делать со склочниками в научных учреждениях, которые тоже уничтожают «певчих птиц» — людей, способных к научной работе. Находят у них идеологические ошибки, перегибы, загибы, уклоны, методологические неправильности и пр.? Я думаю, что наши законы слишком для них демократичны, охраняют их, тогда как полагалось бы охранять здоровую часть коллектива от них. Что, например, делать с громилой В., позорившим нас за рубежом и со все нарастающей силой продолжающим разваливать учреждения, в которых его принимают на работу после изгнания (с огромным трудом) из очередного научно-исследовательского и педагогического института. Ведь он не один! Изменить порядки и привлекать к ответственности за ложные доносы.

Если в письме, обращенном таким хищником в вышестоящие организации, есть неподтвержденные данные, — немедленно привлекать к ответственности. А по телевидению открыть новую передачу «В мире людей», в которой рисовать психологию людей хороших и плохих, порядочных и лжецов, создающих хорошую атмосферу вокруг себя и разрушающих общество. Передачу по психологии поведения.

Курение когда-то (в 1660 году) считалось в Англии медицинским средством, чтобы не заболеть чумой.

Удивительное ощущение — слушать свой голос через микрофон. Первый раз я думал, что это вообще не мой голос. Потом решил — микрофон искажает мой голос.

Конечно, голос для меня другой, отчужденный: это ясно, но ведь он для меня и не меняется с годами. Я не слышу старческой хрипотцы. Он для меня остался тем, чем он был для меня в 19 лет. Этого ведь не объяснишь тем, что он проходит к моему слуховому аппарату через другую среду. Мои интонации ведь не меняются (по идее) от того — через какую среду я слышу свой голос? А между тем мои интонации после появления магнитофонов были для меня своего рода «открытием».

Чужой голос, отделившийся от меня, — это ситуация «Носа» Гоголя. И в какой-то мере то же самое с моим изображением на экране телевидения, и даже на хороших (неприменно хороших) фотографиях. Я вижу чужого человека, который не во всем мне нравится — даже иногда очень не нравится. Особенно не нравится появление во мне на моих изображениях какой-то сладковатости, Кто-то чужой для меня отделился от меня. Мой

двойник ходит по экранам, звучит с пластинки фирмы «Мелодия» (я говорю о «Слове о полку Игореве», читаю его текст).

Как сейчас упростилась бы ситуация для Достоевского (с его «Двойником»), для Гоголя. Я думаю, что и Андрей Белый не успел ухватить ситуацию, открывавшуюся перед ним с появлением кинематографа и граммофона.

Поразительные и странные представления у Гоголя о женщинах. Особенно в «Риме». Он пишет, например: «Женщины казались подобны зданиям Италии, они... дворцы».

Все меняется в наших представлениях о красоте. А вот женщина-соблазнительница остается во все века одной и той же. Вот как ее описывает протопоп Аввакум: «А прелюбодеица белилами-румянами умазалася, брови и очи подсурмила, уста багряноносна, поклоны niskи, словеса гладки, вопросы тихи, ответы мямки, приветы сладки, взгляды благочинны, шествие по пути изрядно, рубаха белая, риза красная, сапоги сафьяновья...»

Если из-за чего-то стоит ездить в Кисловодск отдыхать, то это из-за «Косыгинской тропы» (так люди прозвали длинный новый терренкур, проложенный по идее А.Н. Косыгина).

Тропа развивается как музыкальное произведение — не только со сменами открывающихся с нее видов, но и настроений. По-разному хрустит под ногами песок, разный в ней воздух — всегда по-своему прекрасный. На этой тропе мы стали встречаться с Козинцевыми: сперва незнакомые друг другу, потом как-то познакомившиеся, а затем и ставшие уславливаться о совместных прогулках.

С первой же встречи меня поразило лицо Г.М. Козинцева: очень усталое, очень много пережившего человека. Потом я понял: быть автором фильмов это тяжелейший труд и тяжелейшее сопереживание со всеми героями своих фильмов: с Башмачкиным, с Максимом, и с Дон Кихотом, и с Гамлетом, и с королем Лиром. Но и не только с ними — и с Санчо Пансо, и с Офелией, и с Корделией, и со всеми, кто так или иначе входил в плоть и кровь его сострадания. А ведь бесконечно много читая, обдумывая, режиссерски примериваясь, он вводил в круг своего сострадания все величайшие трагедии мира и историческую драму XX века. Все это отложилось на усталом лице Григория Михайловича — усталом не сиюминутной усталостью, а той усталостью, которая многократно осеняла его лицо за его долгую жизнь. Долгую! Ибо можно прожить коротко и сто лет, но жизнь Григория Михайловича была долгой, ибо он присоединил к ней десятки других жизней, ставших для него своими, частью его мыслей, чувств. В его лице можно было заметить отсветы и Ю. Ярвета, и О. Даля.

В рабочих тетрадях Григория Михайловича, изданных в 1981 году под названием «Время и совесть», я нашел подтверждение своим первым впечатлениям: «Фильм, особенно заканчивающийся, — писал Григорий Михайлович, — всегда являлся для меня почти физическим мучением. Я до более ненавидел, приходил в отчаяние от неудач: они были повсюду, и я выбивался из сил, стараясь их исправить. Потом, как боль, фильм утихал, оставляя меня. Боль становилась менее острой, она как бы удалялась. Фильм отделялся от меня, начинал жить отдельной жизнью. Она могла меня радовать или приводить в отчаяние. Но все это уже вне меня. Я жил уже чем-то иным» (Козинцев Г.М. Время и совесть. М., 1981, с. 213.).

И все-таки Григорий Михайлович ошибается в этой записи. Разговаривая со мной на «Косыгинской тропе», он время от времени возвращался к уже законченным фильмам. Так, на одном из поворотов, с которого открывался вид на совершенно мертвые, иссеченные тысячелетними ветрами скалы, он остановился и пожалел: «А ведь можно было и здесь снять некоторые сцены „Лира“» (я передаю его мысль; точно слов его я не помню). Значит, «Лир» не оставлял его и после того, как он прошел по всем кинотеатрам мира. Отдыха у него не было...

Из разговоров с Григорием Михайловичем Козинцевым в Кисловодске. О тех «работниках литературы», которые выдумывают разные страхи, видят повсюду идеологические

ошибки, обвиняют других в «искривлении линии» и пр., Григорий Михайлович сказал, что они работают на «индустрию страха». На этом производстве они легко наживают немалый политический капитал. И они нужны, так как именно благодаря их деятельности разные наблюдающие и руководящие чины приобретают уверенность в собственной необходимости для общества.

Г.М. Козинцев снимал «Дон Кихота» в Коктебеле и искал Росинанта по окрестным крымским хозяйствам. Наконец получает телеграмму: «Орлик готов служить искусству. Лучшего Росинанта не найдете. Председатель артели — такой-то». (Орлик — имя лошади, престарелой красавицы, отслужившей свое.)

Всем известна деревянная дача, стоящая налево от Каменноостровского моста. Она горела, потом была восстановлена в камне и обшита деревом — как бы старая. Это дача Александра Петровича Ольденбургского. Дача приобретена была в 1833 году от В.В. Долгорукова, а им куплена в 1830 году от графа Г.И. Чернышева. Об этом доме сказано в записках маркиза де Кюстина. Славилась она знаменитыми интерьерами, мебелью. Там была даже детская с мебелью, как у взрослых, но меньше. Обо всем этом писалось. Но мало кто знает, что интерьеры рисовал М.В. Добужинский для своих знаменитых декораций к «Месяцу в деревне» Тургенева.

«Театр начинается с вешалки» — якобы цитата из Станиславского. Между тем Станиславский говорил другое: «театр начинается с гардероба» — и под гардеробом имел в виду одевания актеров.

#### **О книге**

Если книга не породила у вас ни одной самостоятельной мысли, значит, она напрасно прочитана (кроме справочников, но они не читаются подряд).

Будьте Колумбами — открывайте хорошие книги в океане незначительных.

Из всех (очень немногих) книг о белом движении, которые я читал, лучше всего передает настроение гражданской войны (передавшееся в свое время тоже мне, мальчику, в Петрограде) эта книга С. Мамонтов. Походы и кони *{Мамонтов С. Походы и кони. Париж, Умса-Press, 1981.}*

Почему кони? Гражданская война была войной прежде всего конных войск. Она была и трагедией лошадей, коней. Кони в книге описаны как люди — с характерами, повадками, умом, удивительно!

Ни одна армия в Европе не обладала такой большой и хорошо налаженной кавалерией, как русская. Об этом где-то в книге С. Мамонтова.

Книги, по Карлу Попперу, это «третья реальность»; первая — объективно существующая, вторая — субъективная.

Читать, но и перечитывать! Если при перечитывании книга позволяет открыть в ней нечто новое, значит, это полезная книга.

До революции на фабриках потомков Саввы Морозова выделялись различные сорта ситца, зефира, тика, демикотона, миткалей, бархатов, репсов, пике, вывозившиеся в Хиву, Мерв, Китай, Бухару, Персию, Царство Польское, Великое княжество Финляндское.

Ситец стоил восемь копеек аршин. А были и золототканые парчи, материи на бухарские халаты по тридцати пяти рублей за аршин. А кроме наследников Морозовых, были Третьяков и Коншин, Носовы, Лабзин, Осипов, Сапожников, два Барановых и др. У всех были свои «секреты» производства. Кто-нибудь когда-нибудь напишет историю машинно-ткацкой культуры?

Академик А.С. Орлов был большого роста, полный, необычайно представительен:

«настоящий академик». Ходил он с Пятой линии по вечерам гулять по набережной.

Подходят к нему подростки: «Дед, снимай шубу!» Орлов и глазом не смигнул: «Вам нужно, вы и снимайте!» На этом все кончилось. Но главное было — не остановиться.

Надпись, сделанная Томашевским на книге, подаренной им Пушкинскому Дому: «Не тебе, не тебе, а имени твоему». Тут и священное писание, и стихотворение Блока,

начинающееся «Имя Пушкинского Дома...», и положение Пушкинского Дома в последние десятилетия.

Томашевский в уборной в день проработки «космополитов» в Пушкинском Доме: «Вот единственное место в Пушкинском Доме, где легко дышится».

Плохие чтецы стихов читают стихи «по словам» с выражением для каждого слова отдельно и разрывают логическую связь, портят ритм. Такое чтение «по словам» было принято у актеров Александрийского театра. Кошмар! Поэзия переставала существовать, оставалось одно «чтение», рокот голосок  
«Журналист своего воображения!» Так кто-то сказал об Одене. Все сущее не может быть доказано.

Из книги «Описание примечательных кораблекрушений, в разные времена претерпеваемых российскими мореплавателями Флота, Капитан-Командором Головиным». Часть четвертая. СПб., с. 93: «Представляя верное описание сего происшествия, не хочу ни увеличивать ужасов, ни уменьшать их. Пусть каждый, носящий в сердце искру чувствительности, пожалеет о несчастных и иногда в молитвах своих попросит Бога, чтобы сохранил нас, бедных мореплавателей, от подобных случаев, грозящих нам в море ежечасно.

Из сего описания видно, что крушение брига „Фальк” последовало от течи, а течь произошла от якоря, на кранбал отданного и пробившего лапою на волнении обшивные доски. С трудом можно поверить, чтобы при нынешнем состоянии мореплавания сыскался еще морской офицер, который не знал бы, что на ходу или при волнении непременно якорь должен отдавать с рустова и кранбал „вдруг”: опытные мореплаватели во всяком случае так поступают. Человек, вовсе не знакомый с морской службою, взглянув на якорь, отданный на кранбал во время волнения или при большом ходе, подумал бы, что это острое орудие свешено нарочно для пробития корабельного дна».

Как хорошо написано! А если что непонятно, то и это хорошо: ищите в словарях; прекрасное занятие.

Где-то я читал, что Гитлер перед своими выступлениями возбуждал себя Баденвейлеровским маршем (подумать только — Баденвейлер, это курорт, где умер Чехов!), а затем выступал, имея перед собой ораторский пульт: нажимая на кнопки, он указывал моменты, когда должен быть произведен снимок, усилен свет прожекторов. От кнопок шло начало рукоплесканий, возгласов, выкриков.

Кто-то сказал: предметы тяготеют к центру земли добровольно, так как боятся одиночества.

Шоп (исконный житель окрестностей Софии в Болгарии) говорит: «Когда все хорошо, это не все хорошо!»

Международное общение в области анекдотов общеизвестно. Сюжеты анекдотов ирландских, еврейских, русских часто переходят в другие страны. Но можно предполагать и самозарождение одинаковых сюжетов. В старое время в России был известен рассказ об иностранце, который удивлялся: в России все железнодорожные станции называются одинаково — «Кипяток». И действительно, я еще помню время, когда вывеска «Кипяток» всегда висела на станциях на самом видном месте и к ней из остановившегося поезда устремлялись с чайниками услужливые молодые люди, приносившие кипяток для всех пассажиров своего купе.

А вот что рассказывает Питер Устинов в своей автобиографии «Уважаемый Я» о впечатлении своей матери, впервые приехавшей в Англию: «Охватившее ее ощущение какого-то кафкианского ужаса тем более усиливалось, что все минуемые поездом станции имели, казалось, одинаковые названия: „Боврия”. Придется объяснить непосвященным, что „Боврия” — марка превосходного бульонного концентрата. Будучи продуктом частной предпринимательской инициативы в чрезвычайно конкурентоспособном капиталистическом обществе, концентрат широко и броско рекламировался в отличие от

названий железнодорожных станций, которые, хотя тоже являясь частной собственностью, тяготели скрывать свои названия под слоями грязи и пыли, поскольку прямых конкурентов не имели».

Автор принятого во всех средних школах России учебника по физике Хвольсон, очень мало сделавший для науки, сказал по случаю своего избрания почетным академиком: «Различие между академиком и почетным академиком такое же, как между государем и милостивым государем!» (обычное, сухое, официальное обращение в письмах старого времени). Хвольсон в данном случае проявил не только остроумие, но удивительное остроумие, ибо с честью для себя признал свое скромное место в науке. Достаточно быть хорошим педагогом и умным человеком.

Случай на съезде в Варшаве. Делегат случайно обменялся чемоданом с дамой. Дама вспомнила — у кого может быть ее чемодан. Входит в номер делегата. По комнате раскиданы женские вещи, а сам делегат в отчаянии: «Жена забыла положить мой доклад!» Что вещи женские — он не заметил.

Родители Эйнштейна говорили о нем в детстве: «Профессора из него не выйдет, ну а часового мастера мы как-нибудь из него сделаем».

Панамы стали популярны после того, как 16 ноября 1906 года президент США Теодор Рузвельт был сфотографирован в панаме во время своего путешествия по Панамскому каналу. Панамы Рузвельта была сделана из соломки кремового цвета и была невесома. Стоила панамы в то время 200 долларов и носили ее государственные мужи. А теперь этой же формы носят панамы дети, и это самый дешевый головной убор, но тоже преимущественно от солнца...

В Англии нет мышей: англичане любят кошек (впрочем, мыши, может быть, и есть, но так считают сами англичане).

Когда мне давали звание почетного доктора в Оксфорде, я останавливался в «The Randolph Hotel» и оттуда шел пешком на церемонию по Хайстрит в Тейлоровский институт в мантии и в шапочке. Никто не обращал на меня внимания. Во-первых, правила английской вежливости — не разглядывать незнакомых людей; во-вторых — это вполне обычное одеяние.

В начале XVIII века в Англии карикатуры считались по преимуществу итальянским занятием. Затем карикатуры заняли большое место в искусстве Англии. И это связано с особой терпимостью англичан к чужому мнению и к юмору.

Термин caricature появился в Англии в 1750-х годах. Расцвет английской карикатуры приходится на конец XVIII века. Англичанин по пути в свой клуб рассматривал витрины книжных магазинов, где выставлялись свежие карикатуры, и очень надеялся увидеть себя (свою личность, удостоившуюся карикатуры).

Карикатуры, кроме книжных магазинов, выставлялись в кафе, ресторанах, фойе театров, тавернах, в станциях дилижансов. Карикатуры собирались в альбомы и их можно было получить напрокат.

Когда я был в Англии в 1966 году, в Нью Колледже меня поразила профессорская комната: она была сплошь увешана карикатурами — старыми и совсем свежими. Никто из преподавателей не обижается, когда способные студенты рисуют на них карикатуры.

В средние века, а вероятно и раньше, была распространена игра в марелль. Доска к этой игре изображена на шпалере начала XVI века, хранящейся в Лувре (инвентарный номер ОА 9407). На этой шпалере мужчина-секретарь (судя по чернильнице и перу, которые он носит) предлагает господам игральную доску с расчерченными линиями. Чертеж на этой доске точно такой же, как на доске в Новгородском музее, которую Б.А. Рыбаков считает архитектурным пособием. Англичане возобновили выпуск этой игры. Она пользуется успехом. Игра довольно быстрая, двухэтапная: достигнув упрощения положения фигур на доске (путем выигрыша фигур), правила в игре меняются. Название ее «мельница». Я

предложил в Новгороде выпускать эту игру вместо глупых сувениров — одинаковых во всех древних городах нашей страны, но... предложение мое осталось без ответа.

Что может быть несбыточнее гадания на кофейной гуще. Недаром выражение это («гадание на кофейной гуще») употребляется как поговорка нелепых и беспочвенных предположений о будущем. Гадают так: когда чашка с кофеем допита, ее опрокидывают в свою сторону, а затем смотрят по разводам растекшейся по чашке гущи. И вот расположение гущи («география» гущи) многозначительно. Сердечные дела — на дне чашки. Они, следовательно, самые важные и самые «глубокие». Выше по стенкам — служебные дела. Сторона чашки ближайшая к губам — это будущее (здесь мы пьем). Противоположная сторона — прошлое (оно ушло от нас). А сторона у ручки — настоящее (им мы управляем). Никто не верит, но все гадают, потому что гадание на кофейной гуще дает повод к разговорам. Можно друг над другом посмеяться. Если бы верили в кофейную гущу — верно бы, гадали меньше, и то в одиночестве.

Виктор Шкловский сказал, демонстративно уходя с вечера знаменитого отгадчика мыслей Вольфа Мессинга: «Вольф Мессинг будет отгадывать за пять рублей (цена билета) мысли Виктора Перцова, а я не хочу знать их и бесплатно».

Освободить свое время от пустяков.

Два портрета одного лица в одинаковых размерах, расположенные рядом (в альбоме, в рамках) создают удивительную иллюзию движения. Даже просто одна и та же фотография, снятая в движении и расположенная рядом в двух экземплярах, создает ту же иллюзию.

Выписка из журнала *Connoisseur* (1984, august, p. 17). Вопрос: «Когда подделка не является подделкой?» Ответ: «Тогда, когда это честная репродукция».

В XVII—XVIII веках часовой мастер мог сделать за всю жизнь 70—80 часов. На одних из часов XVII века в Львовском музее мастер с гордостью начертал, что это его 134-е часы. Это был его подвиг, знак исключительного трудолюбия! Но я уверен, что качество часов было для него все-таки самым важным, а свой жизненный план цифрами он не выражал. П.Л. Капицу принял в Кембриджский университет Резерфорд. Впоследствии, несколько лет спустя, когда Капица выдвинулся, он спросил Резерфорда: «Почему вы меня приняли тогда: и знал мало и английским владел плохо?» Резерфорд ответил: «Я и сам удивляюсь — почему я вас принял тогда».

Поверие: Рим будет стоять до той поры, пока на Капитолии стоит статуя Марка Аврелия. Я был на Капитолии в мае 1986 года: статуи Марка Аврелия не было — взята на реставрацию.

В Новгороде существовало поверие (оно записано и в Новгородской третьей летописи), что Вседержитель в куполе Храма Софии держит в руке судьбу Новгорода: первый же немецкий снаряд в 1941 году попал в купол, в фреску. А может быть, действительно в каком-то смысле нет ни старого Рима, ни старого Новгорода? Один «взят на реставрацию», другой застроен нелепо.

В холле замка «Aroundell Castle» на юге Англии висит икона Иверской Богоматери работы Фаберже. Ей молилась герцогиня Норфолкская о даровании сына — и получила его, а в их роде все были дочери. {«Столица и усадьба», 1914, № 1, с. 22, а изображение перед тем.}.

Питер Устинов (в автобиографии «Уважаемый Я») замечает: «Англичанам принадлежит авторство поразительного количества международно признанных игр» — и далее объясняет в своем ироническом стиле: «И стоит иностранцам превзойти англичан в одной из их же собственных игр, как англичане хладнокровно изобретают другую, в которой какое-то время могут удерживать первенство, поскольку никто, кроме них, не знает ее правил». Устинов шутит, но любовь играть характерна для англичан. Пристрастие англичан к играм происходит от того, что они в основном «большие дети», вернее, подростки. И подростки — мужчины. Основные игры англичан преимущественно

мужские. У них нет ни одной игры, отвечающей характеру девушек, — вроде русской игры в горелки. Вообще Англия преимущественно мужская страна. Женщины-преподаватели колледжей подражают мужчинам-преподавателям: в поведении в профессорских клубах, в поведении за общими со студентами обедами и пр. В Оксфорде, в женском «Леди Маргарет колледже» я был приглашен к обеду. Женщины-преподаватели перед обедом в отдельной комнате пили аперитив и курили — как мужчины. Они вели себя по мужским «стандартам». Даже рассказывали вполне мужские анекдоты.

Для кулинарной книги. Способ сохранения винограда в Болгарии: хвостик кисти винограда втыкают в свеклу; сохраняется несколько месяцев (сам не проверял). И еще болгарское наблюдение: город Самоков — «курорт для вина». Испорченное вино восстанавливается в Самокове (температура, климат?). (Разумеется, и это я сам не проверял.)

Тишина каждый раз разная. В каждой комнате своя, на открытом воздухе своя — и всегда особая. Это открыли для меня звукооператоры телевидения. Они записывают тишину для пауз в передачах. Тишина не может быть «глухой».

Тишина звучит. Все знают, как выражает ночную тишину скрип половицы в деревянном доме, а тишину летнего дня — жужжание мухи, бьющейся об оконное стекло.

Пение соловья ночью — это громкая тишина, тишина, разразившаяся громом, гигантским шелканием, великанскими руладами. Тишина ночи, разорванная...

Так в старых галантерейных магазинах рвали, отмерив аршином, коленкор приказчики для покупателей.

«Эталонная личность» — то есть личность с определенной системой званий, степеней, должностей и хорошими анкетными данными. В результате — «ученый функционер» или «функционер в науке» (какое из двух выражений здесь уместнее — не знаю).

О тонкости икебаны (японского искусства подбирать цветы в группы, «коллективы») свидетельствует хотя бы следующее. Во время приведения в порядок цветов в букете мечеобразные листья ирисов (эти листья символизируют сами по себе мужество) следует располагать так, чтобы они имели положение плоской стороной к зрителю. Если листья обращены к зрителю острой стороной, то это означает плохую манеру составителя, ибо конец меча направляется только на врага\fn{Trivedi Devika. Ikebana. Delhi—Bombay, 1975, p. 49.}.

Портреты Сталина делались очень часто из наборных материалов: из зерен риса, ракушек, соломинок (крашенных), камешков, а портреты Хрущева — из зерен кукурузы. Очевидно, художнику важно было показать свое усердие — преданность, а о вкусе и таланте никто не заботился.

Бумажные обои были во второй половине XVIII века дорогой новинкой. В 1781 году они только начали входить в употребление, но в Павловском дворце ими решались оклеивать только комнаты дочерей.

Дягилев на своих визитных карточках писал себя «De Diagileff» и играл роль «un grand seigneur en voyage» (путешествующего большого барина), его называли «un vrai boyard russe» (настоящий русский барин). Может быть, это и правильно: он был представителем русского искусства на Западе и без этого самоощущения ему бы не удалось организовать «русские сезоны».

Урок скромности. Рассказ ученика Репина Вербова в Нью-Йорке. Вербов учился также и у Кардовского. Кардовский никогда не хвалил своих учеников. Говорил иногда: «неплохо! неплохо!» Вербов решил добиться, чтобы он сказал ему «хорошо!». Вербов делал портрет и особенно трудился над глазами. Кардовский сказал: «Да, в общем хорошо!», но потребовал исправить один глаз, над которым Вербов особенно трудился, — сдвинуть его на миллиметр. Когда Вербов отказался, сказав, что на это потребуется два дня, Кардовский взял и стер ему глаз. Вербов за несколько часов сделал глаз. Кардовский

посмотрел и сказал: «Но и тот, впрочем, был хороший. Я вам велел его переделать, чтобы дать вам урок скромности!»

Вербов как салонный художник (ему за 90) рисовал многих высокопоставленных людей. Ему нравился великий князь Дмитрий Павлович, у которого, впрочем, нос был перебит лошадьё. Успел он писать и государя в 1916 г. Сказал о нем, что у него был тик, крутил ус и почесывал за ухом.

Мужской романовский полушубок (я такой носил в 1928—1932 годах и в ленинградскую блокаду) застегивается на крючки по-женски — с левой стороны. Так удобнее действовать правой рукой: если бы крючки были справа, пришлось бы натягивать борт полушубка левой рукой. Но на русских косоворотках (удивительно удобная одежда) застёжки тоже были на левой стороне, а под мышками — ластовицы, позволявшие свободно поднимать руки в работе.

В нижегородском Музее деревянного зодчества есть прекрасный образец русской косоворотки: темно-красной с черной вышивкой, очень широкой и с черными ластовицами под мышками.

В царской армии полагалось носить фуражку чуть набекрень: над левым ухом — околыш на три пальца, над правым — на один (для «удобства» воображаемого взмаха саблей с коня).

«Для того чтобы мышца развивалась, она должна уставать» (Сеченов).

Когда легче полоть грядку? После дождя, когда сорняки сыты водой и «довольны».

### **Стиль модерн в костюмах**

«Зеленые и лиловые парики попробовали носить в Париже с легкой руки Бакста и Анисфельда, раскрасивших наш балет, — почище „Les preludes” — но это не привилось»\fn {«Столица и усадьба», 1914, № 3, с. 21 (раздел «Из разговоров»).}.

«Бал цветных париков» у граф. Е.В. Шуваловой (теперь «Дворец дружбы» на Фонтанке)\fn {«Столица и усадьба», 1914, № 4, с. 17 (фотография).}.

«Аэронавтический опыт» француза Гарнерена (Garnerin) в Павловске в присутствии императрицы Марии Федоровны в 1803 году. Гарнерен запустил шар с привязанной кошкой, а шнур, на котором висела кошка, поджег. Кошка спустилась на парашюте и «была представлена императрице»\fn {Павловск. Очерки истории и описание. 1777—1877 (Составлено по поручению е.и. высочества государя великого князя Константина Николаевича). СПб., 1877, с. 22.}. Превосходно! Но интересно — как вела себя кошка во время этого «представления» ее императрице? По ритуалу?

Умение смеяться присуще человеку, отличает его от всех других живых существ. Какое бы положение ни занимал человек, он должен смеяться.

Остроумие было в XVIII веке обязательным для государственных деятелей. Остроумной была и Екатерина II, При ней в математике «п» в квадрате обозначалось «пп», а «к» в квадрате «кк». Когда Эйлер ехал морем в Санкт-Петербург, у него во время кораблекрушения утонул сундук со всеми бумагами. Екатерина сказала ему на приеме: «Какое несчастье! У нас погиб сундук со всеми вашими „пипи” и „кака”».

Богиня Nike (Победа) изображалась без меча, но с крыльями. Победивший должен оставить меч, быть великодушным и «воскрыленным» гуманными идеями.